

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ
3-ТОМ
НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Томас Гоббс

Из тех, кого в 1641 году пригласили прокомментировать размышления Декарта, самым выдающимся был Томас Гоббс.

Томас Гоббс был выдающимся английским философом XVII века. И когда его пригласили дать комментарии размышлениям Декарта, Гоббсу уже было пятьдесят три года.

Томас Гоббс родился 5 апреля 1588 года в английском городке Малмсбери (графство Глостершир) и несмотря на то, что это произошло раньше положенного срока (мать напугало известие о приближении Испанской Армады), он прожил необычайно долгую и плодотворную жизнь.

Гоббс был воспитан дядей, обладавшим значительным состоянием, и Гоббс получил достойное образование. К четырнадцати годам он свободно владел латинским и греческим языками и был отдан в Модлин-Холл, один из колледжей Оксфордского университета, где спустя пять лет получил степень бакалавра. В 1608 году Гоббс получил место воспитателя в семье Уильяма Кавендиша, графа Девонширского. Это было несомненной удачей, так как в его распоряжении находилась первоклассная библиотека.

Сопровождая молодого Кавендиша в путешествиях по Европе, Гоббс смог посетить Францию и Италию, что послужило сильнейшим стимулом для становления и развития его философского мировоззрения.

Первое путешествие в 1610 году вдохновило его на изучение античных авторов, поскольку в Европе аристотелевская философия, в традициях которой он был воспитан, считалась уже устаревшей. В этом его укрепили и беседы с лордом-канцлером Фрэнсисом Бэконом, состоявшиеся, по-видимому, между 1621 и 1626 годами, когда Бэкон был уже отправлен в отставку и занимался сочинением трактатов и разнообразными проектами научных исследований. В автобиографии, написанной на латыни в 1672 году, он говорит о занятиях античностью как о счастливейшем периоде своей жизни. Его завершением следует считать перевод «Пелопоннесской войны» Фукидида, опубликованной отчасти для того, чтобы предупредить соотечественников об опасностях демократии, ибо в то время Гоббс, подобно Фукидиду, был на стороне монархической формы правления.

Во время своего второго путешествия в континентальную Европу в 1628 году Гоббс страстно увлекся геометрией. Он пришёл к убеждению, что геометрия даёт метод, благодаря которому его взгляды на общественное устройство могут быть представлены в виде неопровержимых доказательств. Болезни общества, находящегося на грани гражданской войны, будут излечены, если люди вникнут в обоснование разумного государственного устройства, изложенное в виде ясных и последовательных тезисов, подобных доказательствам геометра.

Третье путешествие Гоббса по континентальной Европе (1634-1636 гг.) внесло ещё один элемент в его систему натуральной и социальной философии. В Париже в 1630-х годах он встретился с «францисканским другом Декарта Марином Мерсенном, которого он описал как «выдающегося представителя всех отраслей философии». Он становится членом кружка Мерсенна, в который входили Декарт и Гассенди, знакомится с их философскими идеями.

В 1636 году Томас Гоббс побывал в Италии у Галилео Галилея, беседы с которым способствовали разработке Гоббсом собственной философской системы. Существует мнение, что сам Галилей предложил Гоббсу распространить принципы новой натурфилософии на сферу человеческой деятельности. Грандиозной идеей Гоббса было синтезирование идей механики для геометрической дедукции человеческого поведения из абстрактных принципов новой науки о движении.

Известность Гоббс приобрел как автор философских трактатов, однако, склонность к философии проявилась, когда ему было уже далеко за сорок. По признанию самого Гоббса, его оригинальным вкладом в философию была разработанная им оптика, а также теория государства. В 1640 году он распространил трактат «Начала закона, естественного и политического» («The Elements of Law, Natural and Politic»), в котором содержались принципы его философии человеческой природы и человеческого общества и в котором он доказывал необходимость единой и неделимой власти суверена. В том же году Гоббс отправился в Париж, предчувствуя начало гражданской войны, которая была связана с конфликтом между деятельностью короля и парламента. Томас Гоббс оставался в Париже более десяти лет и

некоторое время был наставником изгнанного наследника престола, будущего короля Карла II. Вышеназванный трактат («Начала закона...») нашёл свое продолжение в 1650 году, в двух частях – «Человеческая природа» («Human Nature, or the Fundamental Elements of Policie») и «О теле политическом» («De Corpore Politico, or the Elements of Law, Moral and Politic»).

Трактат «О гражданстве» («De cive») на латыни появился вскоре после этого, в 1642 году. Английский вариант работы вышел в 1651 году под названием «Наброски философии государства и общества» («Philosophical Rudiments Concerning Government and Society»). Эта книга – вторая по значению в идейном наследии Гоббса после более позднего «Левиафана». В ней он пытался окончательно определить надлежащие задачи и границы власти, а также характер отношений церкви и государства.

Гоббс планировал написание философской трилогии, которая бы давала трактовку тела, человека и гражданина. Он начал работать над трактатом «О теле» вскоре после публикации трактата «О гражданстве». Трактат «О человеке» («De Homine») появился в 1658 году.

Работу над своим шедевром – трактатом «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» («Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil») он завершил в 1651 г. В нем он лаконично и остро сформулировал свои взгляды на человека и государство (Левиафан – морское чудовище, описанное в Книге Иова). Эта работа Гоббса стала наиболее значимой и известной, достаточно полно отражавшей его философские взгляды.

В «Левиафане» доказываемая, с одной стороны, что суверены уполномочены править от имени своих подданных, а не по Божьему соизволению, с другой стороны, Гоббс использовал теорию общественного договора для того, чтобы доказать, что логическим результатом государства, основанного на общественном согласии, должна быть абсолютная власть суверена. Поэтому его учение могло быть использовано для оправдания любой формы правления, какая бы ни одержала верх в то время. Это показывает Томаса Гоббса весьма благоразумным человеком.

«Левиафан» обычно считают сочинением на политические темы. Однако взгляды автора, касающиеся природы государства, предваряются тезисами о человеке как природном существе и «машине», а завершаются пространными рассуждениями о том, какой должна быть «истинная религия».

Гоббс считал, что под явлениями социального поведения скрываются фундаментальные реакции влечения и отвращения, превращающиеся в желание власти и страх смерти. Люди, ведомые страхом, объединились в сообщество, отказавшись от права неограниченного самоутверждения в пользу суверена и уполномочив его действовать от их имени. Если люди, заботясь о своей безопасности, согласились на такой «общественный договор», то власть суверена должна быть абсолютной. В противном случае люди, раздираемые противоречивыми притязаниями, всегда будут находиться под угрозой анархии, присущей бездоговорному естественному состоянию.

В теории права Гоббс известен концепцией закона как заповеди суверена, которая стала важным шагом в прояснении различия между статутным правом (в то время только зарождавшимся) и общим правом. Он хорошо понимал и обосновывал различие между вопросами «Что есть закон?» и «Справедлив ли закон?».

Здесь я должен вернуть нашего слушателя к тому, что уже как 300 лет существовали ясы Чингисхана, где эти вопросы поднимались и трактовались, исходя из принципа, что справедливость выше закона. Эта проблема о праве и справедливости закона является краеугольным камнем в государственном строительстве по сегодняшний день.

Но вернёмся в 1658 год, когда Томас Гоббс опубликовал вторую часть трилогии – трактат «О человеке». Затем на длительный период публикации пришлось прекратить, так как в парламенте обсуждался билль против атеизма и богохульства и была создана комиссия, в задачу которой входило изучение на этот предмет Левиафана. Гоббсу было запрещено публиковать сочинения на актуальные темы, и он занялся историческими изысканиями. В 1668 году был закончен труд «Бегемот, или Долгий парламент» («Behemoth, or the Long Parliament») – история гражданской войны с точки зрения его философии человека и общества. Работа была опубликована лишь после смерти мыслителя, не ранее 1692 года. Прочитав книгу «Начала общего права Англии»

Фрэнсиса Бэкона, которую прислал его друг Джон Обри (1626-1697 гг.), Гоббс в возрасте 76 лет написал работу «Диалоги между философом и изучающим общее право Англии» («Dialogues between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England»), опубликованную посмертно в 1681 году.

Умер Гоббс в Хардвик-Холле (графство Дербишир) 4 декабря 1679 года. На надгробном камне была сделана надпись о том, что он был человеком справедливым и хорошо известным своей ученостью на родине и за рубежом. Такая благополучная жизнь благополучного придворного философа, с моей точки зрения.

Комментарии Гоббса к Декарту, с которых мы начали это повествование, показывают его весьма слабое понимание мыслительной деятельности. Два этих философа традиционно рассматривались как стоящие на противоположных полюсах философии. На самом деле, они напоминали друг друга в нескольких отношениях. Например, страстью к математике. Самый яркий биограф Гоббса, Джон Обри, так описал его первую встречу Гоббса с геометрией: «Ему было 40 лет, прежде чем он обратил внимание на геометрию, что произошло случайно. Находясь в библиотеке неизвестного джентльмена, его взгляд случайно упал на лежащие открытыми «Элементы» Евклида, и это был 47-й элемент в первой книге. Он прочитал предложение и заявил: «Клянусь Богом, это невозможно!». С этого началась его влюбленность в геометрию».

У Декарта и Гоббса было много общего. Они разделяли презрение к Аристотелю и аристотелевскому истеблишменту в университетах. Оба были одинокими мыслителями, которые провели значительную часть своей жизни в изгнании. Оба имели очень скромные библиотеки и презирали книжное обучение. «Те, кто полагаются на книги, считал Гоббс. – Проводят своё время над своими книгами, как птицы, влетевшие в трубу, и вскоре они обнаружат себя заключенными в камере». Гоббс, как и Декарт, был мастером народной прозы и писал как для популярного чтения, так и для ученого мира.

Самое значительное философское согласие между этими двумя людьми состояло в том, что каждый из них был убежден, что материальный мир должен объясняться исключительно движением.

Гоббс утверждал, что источником познания служат чувственные восприятия, из которых мы черпаем все наши знания. «Первое начало всякого знания – образы восприятий и воображения». «Опыт есть основа всякого знания». «Нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения». В его воззрениях субъективный характер ощущений выступал совершенно отчетливо: «...Объект есть одно, а воображаемый образ или призрак – нечто другое». Но, Гоббс использовал термины «призраки», «фантомы», «фантасмы» для обозначения не каких-то иллюзий, а полноценной чувственной информации. Чувственный опыт, отмечает философ, всегда неполон, незакончен и поэтому не позволяет прийти к установлению «всеобщих положений», открываемых лишь научно-философским познанием.

В этой связи Гоббс различает два вида знания: первичное, основанное на восприятии и памяти, на чувственном опыте, и вторичное, которое «имеет своим источником ум».

Один из наиболее важных компонентов всей философии Гоббса – это учение о языке. Развитая Гоббсом теория языка исходит из того, что человеческая речь представляет собой особую знаковую систему, в задачу которой входит, регистрация и закрепление в памяти мыслей познающего субъекта, и выражение и передача этих мыслей другим людям. Созданное Гоббсом учение о языке включает ряд специфических понятий и терминов. Важнейшие из них – это «метка», «знак» и «имя».

«Речь, или способность говорить, есть сочетание слов, установленных волей людей, для того чтобы обозначить ряд представлений о предметах, о которых мы думаем». Элементами речи по Гоббсу являются слова, или имена. «Имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, чтобы возбуждать в нашем уме мысли, сходные с прежними мыслями, и одновременно, будучи вставленными в предложение и высказанным кем-либо другим, служить признаком того, какие мысли были и каких не было в уме говорящего». Имена могут быть как метками, так и знаками. Роль меток они выполняют тогда, когда помогают оживить в памяти собственные мысли. Знаками же они становятся тогда, когда начинают служить средством

передачи наших мыслей другим людям. «Разница между метками и знаками состоит в том, что первые имеют значение для нас самих, последние же для других». «Для построения и развития философских знаний необходимы знаки, при помощи которых мысли одного могли бы быть сообщены и разъяснены другим». Речь выступает в учении Гоббса и как орудие мышления, и как средство общения.

Гоббс выдвигает и обосновывает свое понимание истины, неоднократно подчеркивая, что «истина может быть лишь в том, что высказано, а не в самих вещах», что «истина – свойство не вещей, а суждений о них». Выделяется лишь одна его сторона объективного содержания истинного знания – принадлежность нашему сознанию. Эта тенденция усугубляется под воздействием номиналистической и языковой теории Гоббса, которая рассматривает понятия истины и лжи как атрибуты одной только речи. «Там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи».

С другой стороны, в высказываниях Гоббса об истине можно обнаружить и другую тенденцию. Она опирается на материалистическое положение о том, что истина есть знание, отражающее объективные свойства и связи вещей. Важно также отметить, что необходимые истины Гоббс считает вечными, абсолютными истинами, игнорируя, таким образом, как и все метафизические материалисты, диалектику процесса познания, соотношение относительной и абсолютной истин. «Необходимыми истинами являются только такие положения, которые содержат вечные истины, то есть предположения, истинные во все времена». Он истолковывает истину как свойство одного лишь языка, как атрибута речи, и только речи. Поэтому истину он в соответствии со своей методологией усматривает, прежде всего, в правильных дефинициях, а также в правильной расстановке имён в суждениях и умозаклучениях.

Энтони Кенни раскрывает нам Томаса Гоббса с его малоизвестной для нас стороны. Его размышления о природе эгоизма как естественного права человека.

Разумный эгоизм, который должен лежать в основе государственного устройства и другие аспекты, но на этом я хочу отослать вас к самому тексту Энтони Кенни «История Западной философии».